

Содержание

Красный директор	7
Рыба в воде	51
Мой город	99
Немолодой и некрасивый	111
Дорога в никуда	137
Вздохнули львы	163
Минус футбол	238
Шубка	261
Лолотта	330
Благодарности	475

Красный директор

Рассказ в четырёх стихиях

Воздух

Бывший директор завода Павел Петрович Романов летел в Париж на свадьбу своей старшей дочери Александры.

Бывшими директорами — как и бывшими русскими — не становятся. Романов намеревался работать даже не до пенсии, а до смерти, но его вытурили с завода в семьдесят лет. Такой вот подарок к юбилею — вместе с приветственным адресом, напольными часами и букетом цветов, глядя на который Павел Петрович подумал: лучше бы деньгами.

На заводе остались просторный кабинет, хорошая зарплата, трепет трудового коллектива и душа. Душа-то и терзала его теперь с утра до вечера, не соглашаясь ни на какие подмены — рыбалка, кроссворды, телевизор, садовые работы, ничего

Анна Матвеева

ей не хотелось, кроме как вернуться на завод и работать дальше. Силы-то в нём ходили ещё о-го-го какие, да и завод, в этом смысле, не кончился. Павел Петрович просыпался в шесть утра, как привык за целую жизнь, — и что прикажете делать дальше?

Младшая дочь Анна считала, что ему нужно больше времени проводить с внуками — играть с Игнатом в шахматы и водить Настю на гимнастику. Романов был, в принципе, не против, но внуки утомляли его куда сильнее, чем самые нерадивые подчинённые. По сравнению с Игнатом и Настей даже вороватый снабженец Кудрявцев, с которым они бодались не на жизнь, а на смерть, выглядел ангелом — особенно спустя столько лет. Одно из первых пенсионных впечатлений Романова — теперь он скучал не только по друзьям и соратникам, но даже по тем, кого не выносил. У подлеца Кудрявцева имелись связи наверху, и скovyрнуть его с места было делом хлопотным. В конце концов, Романов, конечно, победил — он всегда побеждал, — а теперь вдруг начал вспоминать Кудрявцева с тёплой улыбкой. Даже слезу однажды выпустил — капелька маленькая, как из шприца перед уколом.

А внуки... Ну что тут сказать — другое время, другие дети!

Дочери Павла Петровича, что Александра, что Анна, в детстве были послушными, скромными, учились прилежно. Хоть и поздние они были дети, и отец у них директор завода, а мать — главный бухгалтер, а деды — ветераны войны (Романовстарший — тот вообще Герой Советского Союза),

Красный директор

но девочки были точно такие же, как все советские дети. Разве что в «Орлёнок» он их в детстве отправлял пару раз, но и всё на том. И без этого считалось, что детство у детей счастливое. Самому Павлу Петровичу такого не досталось — он родился за год до войны. Жили очень бедно: мать сварит пустой суп, и детям положено было есть его, пока в кастрюле дно не покажется. И хлеб чёрный — липкий, горьковатый, но всё равно очень вкусный. Павлу Петровичу этот хлеб всю жизнь снится — и каждый раз во сне горбушка такая махонькая!

Тут как раз пассажирам привезли обед, начали раздавать коробки — Романов попросил на горячее курицу. Хотел достать сыр из пластиковой упаковки — никак не получалось. То ли он с возрастом стал такой беспомощный, то ли народ разучился делать всё на совесть? Романов склонялся ко второму. Вот и покойная супруга Антонина Фёдоровна в последние годы жизни часто ворчала, что люди совсем стыд потеряли. Разве можно так работать, если за тобой тут же приходится вызывать мастера и всё переделывать? Это она про евро-ремонт. Все годы свои последние угрохала на этот ремонт, а потом слегла — да так и не встала.

— Давайте я помогу, — девушка, которая сидела рядом, сжалилась над Романовым, отобрала у него упаковку с сыром и в два счёта — чик-чик — вспорола её ноготками. Ногти выкрашены в разные цвета: два посередине красные, остальные — розовые. Анна точно такой же маникюр носила и, когда отец возмутился странной модой, объяснила: — Это фэншуй, папа. Чтобы деньги водились.

Анна Матвеева

Деньги у них в доме всегда были в нужном количестве — Антонина Фёдоровна вела семейную бухгалтерию так же чётко, как заводскую. Детство супруге досталось тоже не из лёгких — отец-военный не видел разницы между солдатами и собственными малолетними детьми. Антонина в детстве имела два платья — зимнее и летнее, которое по потребности использовали ещё и как нарядное. Платья донашивала за старшей сестрой — так же как банты, школьный портфель и мешок для сменки. Каждый вечер, как сделает уроки, помогала матери — то гречу перебирала, то яблоки для компота резала, то простыни подрубала. Обо всём этом супруга подробно рассказывала дочерям, чтобы ценили то, что имеют. И Павел Петрович, где надо, добавлял от себя подробности. А чаще, где не надо, как считала Антонина Фёдоровна.

Девочки росли послушные, но между собой не дружили, даже в раннем детстве. Александра восприняла рождение Анны как наказание — она думала, мама с папой были ею недовольны, вот и решили завести другую девочку. Что с ней им вроде как больше повезёт.

Сейчас-то Павел Петрович понимал, где они сделали ошибку, — но с той станции поезд давно уехал, да и саму станцию уже не разыщешь. Им бы тогда ласку проявить к старшей, объяснить ей: маленькая ни на что не покушается, родители не перестанут любить большую. Но что сам он, что супруга не приучены были вести с детьми задушевные разговоры — не принято было. Детей

Красный директор

тогда вроде как всерьёз никто не воспринимал, это сейчас все как с ума посходили. Только и слышно: детям нужно внимание, детьми нужно заниматься. А результат – обратный. Романов за долгие годы на руководящей должности привык держать ориентир на результат – итоги соцсоревнования, выход продукции и так далее. Психологические нюни были не для него, но теперь, на пенсии, ему пришлось столкнуться с ними лицом, как говорят, к лицу.

Павел Петрович жевал сыр, даже не подумав поблагодарить за помощь девушку с разноцветными ногтями, – кивнул, да и хватит. Слово «спасибо» у директоров не в ходу. Съел курицу, подчистил соус ледяным кусочком хлеба – как из морозилки, честное слово!

Раньше-то он летал в бизнес-классе. Ещё в позапрошлом году.

Взял у стюардессочки чай с лимоном, размешал сахар пластмассовой ложкой.

Сегодня он увидит дочериного жениха, а завтра поведёт Александру под венец. Если он у них будет там, конечно, этот венец.

Романов с трудом представлял себе, на что походит французская свадьба. Вот у Анны было торжество – любо-дорого вспомнить! Конечно, они с матерью разорились, выкладывая денежки на лимузин, карету, артистов из Москвы, зато потом разглядывали фотографии – насмотреться не могли! (Даже забыли о плохой примете, что младшая первой замуж выскочила.)

Одно только портило снимки – жених.

Анна Матвеева

Павел Петрович недолюбливал зятя Валерку и не понимал, почему Анна его выбрала — на вид пельмень недоваренный, характер склочный, да и зарабатывает меньше дочкиного. Вот и внуки, наверное, в него пошли: ни в Игнате, ни тем более в Насте дед не видел ничего своего или хотя бы супругиного.

Игнат, вертлявый рыжий двоечник, целыми днями лупился в компьютерные игры, какие уж там шахматы! Только придёт из школы, бахнет ранцем (который теперь стали называть рюкзаком) в коридоре — и тут же несётся к компьютеру. Павел Петрович, когда это при нём случалось, вмешивался. Запрещал приближаться к компьютеру, однажды выдернул проводки, а парень — в рёв:

— Ты что, дед, с ума сошёл? Я семь уровней прошёл!

Ну, Павел Петрович и не выдержал. Наподдал по заднице. Попробовал бы он в своём детстве так с дедом поговорить — а тот суровый мужик был, кузнец, — тут же получил бы по первое число, какой уж там седьмой уровень.

На вопли Игната прибежала Анна, в руках — плоский компьютер, как книжка. Планшет называется. И дочь, и зять бродят по дому с этими планшетами, фильмы смотрят. Анна объясняла: это чтобы время зря не тратить. Идёт Валерка по квартире, а у него в руках кто-то стреляет и матерится. А навстречу — Анна, у той другое кино — с нежностями и голой задницей во весь экран. Счастливый брак! Надо было им с матерью поду-

мать, прежде чем кошелиться на богатую свадьбу...

Так вот, Игнат ревёт, задыхается. К матери бросается за справедливостью — как в суд! Анна рассердилась, аж вскраснелась вся:

— У тебя в подчинении столько людей было, а ты с пятиклассником справиться не можешь?

Сердце Романова грустно сжалось — дочь ткнула в него этими словами, как ножом. Он ведь действительно руководил огромным коллективом и с каждым умел найти общий язык. Нигде этому не учат — то есть сейчас-то и этому учат, и другому всякому (на днях Павел Петрович видел в городе рекламную растяжку с красными буквами: «Учим говорить “Нет!”»), но в его-то время никаких таких курсов для руководителей не было. Всё постигал на личном опыте — ошибался, конечно, но в целом поступал верно. Никто бы на заводе не сказал, что Романов несправедлив как руководитель.

А тут, смотрите, попало! Хотя если призадуматься: что такого? Отец Павла тоже лупил в своё время — не часто, за дело. Так ведь он-то на отца такую варезку не разевал.

В общем, с Игнатом у них не особенно ладилось — только перед праздниками парнишка добрел, выклянчивая подарки. Всё какие-то игры с жестокостями ему подавай да телефоны дорожные. Однажды Павел Петрович купил к Новому году настольный хоккей, но его, кажется, даже и не распаковали, хотя с того Нового года ещё три набежало. Так и валяется коробка где-то на балконе.

Анна Матвеева

Внучка Настя тоже не слишком льнула к деду — её с малолетства таскали по конкурсам красоты для девочек, вот она и вела себя со всеми как взрослая женщина. Романова оторопь брала, когда Анна хвалилась Настиними фотографиями: семилетний ребёнок размалёван, как шалава подзаборная! Бальное платье, прозрачные перчатки, на голове — корона, с ушей длинные серьги свисают... И взгляд, главное, такой недетский — расчётливый, как у потаскухи. И поза — руки в боки, бедро вперёд. Тьфу, смотреть тошно!

Анна обижалась:

— Ты, папа, совсем отстал от времени. Разве плохо, что девочка с детства будет уметь следить за собой, что не будет распустёхой, как...

Споткнулась.

— Как мать? — спросил Романов. Сердце в груди тяжело заворчалось, как будто искало выход из грудной клетки.

— Я не то хотела сказать, — начала оправдываться Анна. — Но мама ведь правда не уделяла особого внимания моей внешности. Я даже косы заплетать не умела — мне учительница в школе показала и корзиночку, и кральки...

— Сама ты кралька! Она вам жизнь подарила, а ты такие слова говоришь, бесстыжая!

Крепко они в тот раз поругались, но уже через день дочь позвонила — извинялась, плакала. В том же разговоре попросила денег на поездку в Турцию: Настя прошла в какой-то финал детского конкурса красоты, но дорога была за свой счёт,

Красный директор

а у Анны — долги, кредиты, Валерка, которого со всех работ гнали, как таракана...

Романов оплатил поездку, но корону Насте выиграть не удалось. Было большое расстройство, Анна говорила, что это всё козни организаторов — какая-то пробивная мамашка занесла деньги.

Павел Петрович только раз дал себя заманить на один такой конкурс — во Дворце молодёжи. У них были места в первом ряду, и Анна шёпотом на ухо попросила отца говорить тише — рядом с ними сидели главные враги счастливого Настиного детства, родители Лизы Симоновой. Эта Лиза в итоге и получила корону победительницы — со сцены отправляла воздушные поцелуи в зал не хуже, чем Лайма Вайкуле. Настя плакала во весь голос, Анна сжимала кулаки, а Романов вспотел от жалости к ним обоим, от своего бессилия помочь...

Мама Лизы Симоновой — высокая и толстая, похожая на динозавра из детской энциклопедии, — поминутно поправляла очки в розовой оправе, как будто они мешали ей хорошенько разглядеть ликующую дочь. Отец — смуглый, прижатый брюнет — громко аплодировал и кричал, как в заграничном фильме:

— Это моя дочь! Это моя дочь!

Больше Романов никогда не совершал такой ошибки — сколько ни звала его Анна, он каждый раз придумывал причину отказаться. Даже на соревнованиях по гимнастике не ходил — больно было за Настю, которая вечно оказывалась даже не на вторых, а на десятых ролях.

Анна Матвеева

Зря он это вспоминает... Врач из кардиоцентра когда ещё сказал: вы поменьше думайте о плохом, Павел Петрович. Жизнь – она ведь одинаково несчастная у всех. Радуйтесь моменту: улыбнулся вам ребёнок – уже хорошо. Птичка запела – ещё лучше. Солнышко выглянуло – совсем славно!

Но как-то не складывалось у него в последнее время с детскими улыбками, да и погода стояла мрачная, даром что апрель, да и вместо птичьего щебета за окнами в квартире звучал вороний грай.

Романов откинул спинку кресла (сзади недовольно ойкнули) и задремал. Проснулся, когда пилот объявил посадку: «Мы прибываем в аэропорт “Шарль де Голль” города Парижа!»

Земля

Романов редко путешествовал в одиночестве – да он и вообще редко путешествовал; чаще ездил в командировки или по обмену опытом. Санаториев не признавал, отправлял туда всё больше Антонину Фёдоровну – жаль, не помогли ей те санатории. Рано она ушла, и так тоскливо было без неё Павлу Петровичу, что обычными словами не объяснишь, а необычных он не знал. Тут ведь дело не в любви и не в сексе этом, о котором теперь столько разговоров по телевизору, – дело в том, что старые супруги после долгой совместной жизни как бы срастаются в одного человека. И когда одна часть этого человека умирает, вторая